
Е. А. Долгова

Статья поступила
в редакцию
в октябре 2010 г.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ПАРИЖЕ¹

Аннотация

Русская высшая школа общественных наук работала в Париже в 1901–1906 гг. В основе ее образовательной концепции лежали представление о единстве гуманитарного знания, «синтетический» подход к организации высшего образования. В Школе нашли для себя место профессора, которым было фактически запрещено преподавать на родине, а также дисциплины, находившиеся под запретом в российских университетах.

Ключевые слова: история образования, организация высшего образования, Русская школа высших общественных наук в Париже

Высший идеал образованности вовсе не в том, чтобы знать все, что только знают все ученые мира, но в том, чтобы уметь понимать все идеи века, имеющие общий интерес и могущие быть доступными каждому.

Н. И. Кареев²

В конце XIX — начале XX в. российское высшее образование переживало сложный и противоречивый период в своем развитии. Растущая специализация наук, насущные практические потребности, выдвигавшие новые задачи перед высшей школой, требовали перехода к качественно иной системе преподавания, поиска альтернативных путей развития высшей школы.

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.2.2. Проект: «Переломные периоды в развитии русской историографии XVI–XXI вв. глазами молодых исследователей».

² *Кареев Николай Иванович* (1850–1931) — историк, философ, социолог. В 1901–1902 гг. читал лекции по общей социологии и всеобщей истории в РВШОН.

Попытка построения образовательного процесса на основе единства социальных дисциплин была предпринята в Русской школе высших общественных наук в Париже (далее — РВШОН, Школа), основанной в 1901 г. и работавшей до 1906 г. под руководством и при участии Ильи Ильича Мечникова³, Максима Максимовича Ковалевского⁴, Юрия Степановича Гамбарова⁵. История РВШОН уже становилась предметом специального исследования [Мошкович, 1963; Корников, Селезнева, 1995; Воробьева, 1981, 1982, 1993, 1994; Гутнов, 2000, 2001, 2003, 2004; Ермакович, 1997]. В данных работах освещена роль Школы как российского научно-образовательного центра за границей; ее деятельность представлена как этап в становлении социологической науки в России; исследованы быт и социальное положение русской учащейся молодежи за границей. При этом образовательная концепция Школы, в основу которой был положен уникальный синтез общественных наук, практически не анализировалась⁶.

Тот факт, что новое учебное заведение возникло за границей, объясняется обстоятельствами политической жизни Российской империи. Среди факторов, обусловивших попытку переноса русского образовательного опыта за границу, можно выделить противоречия в отношениях государственной власти с университетами; социальные, национальные и гендерные ограничения в доступе к образованию; лишение ряда профессоров права преподавать в высших учебных заведениях в России [Сватиков, 1917]; фактический запрет на преподавание в российских университетах отдельных научных дисциплин (таких как, например, социология).

Ситуацию, сложившуюся на рубеже веков в российской системе высшего образования, иллюстрируют строки из письма министра внутренних дел Д. С. Сипягина министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу, сохранившегося в Фонде департамента полиции Государственного архива Российской Федерации (далее ГА

³ *Мечников Илья Ильич* (1845–1916) — русский и французский биолог (зоолог, эмбриолог, иммунолог, физиолог и патолог). Профессор Новороссийского университета в Одессе (1870–1882). Выйдя в отставку в знак протеста против реакционной политики в сфере образования, в 1887 г. покинул Россию и переехал в Париж, связав свою дальнейшую деятельность с Институтом Пастера. Формально стоял во главе РВШОН.

⁴ *Ковалевский Максим Максимович* (1851–1916) — социолог, историк. В 1901 г. участвовал в основании РВШОН, после ее закрытия в 1906 г. пытался возродить принципы, положенные в ее основу, в Народном университете им. А. Л. Шанявского, в Психоневрологическом институте в Петербурге.

⁵ *Гамбаров Юрий Степанович* (1850–1926) — юрист, специалист по теории права. Профессор Московского университета (1884–1899). В 1899 г. был вынужден оставить кафедру по настоянию министра народного просвещения. Один из основателей РВШОН, принимал активное участие в ее работе; автор первого и единственного опубликованного Отчета о состоянии и действиях Школы в 1901–1902 гг.

⁶ Исключением является докторская диссертация Д. А. Гутнова, посвященная Школе [Гутнов, 2006]; образовательная концепция РВШОН рассматривалась также в связи с исследованием преемственности в работе Школы и Народного университета им. А. Л. Шанявского [Воробьева, 1994].

РФ): «Происходившие в высших учебных заведениях в России студенческие волнения неоднократно вызывали необходимость удаления от чтения лекций некоторых профессоров, замеченных в политической деморализации учащейся молодежи и явном подстрекательстве к беспорядкам. Лишившись возможности продолжать свою деятельность в пределах Империи, означенные профессора, большей частью примыкающие к той или другой политической группе, остановились на мысли продолжения своей педагогической деятельности за границей, в особенности в Париже, куда за последние годы стали усиленно стекаться молодые люди, не имеющие по различным причинам права продолжать образование на родине»⁷.

Русская высшая школа общественных наук в Париже по замыслу ее организаторов должна была стать первым «свободным русским университетом за границей» [Гутнов, 2001]. Идея «вольного», свободного университета оказалась востребована в интеллектуальной среде Европы, где в начале XX в. уже сложилась определенная традиция распространения общественного знания в широких слоях населения [Ковалевский, 1906]. Отличие этого типа высших учебных заведений от традиционных состояло в их полной формальной независимости от государства и, как следствие, большей открытости новым веяниям в области как науки, так и политики. Устав РВШОН в Париже определял, что профессора Школы «пользуются полной свободой преподавания под свою ответственность и в пределах действующего во Франции законодательства»⁸.

Принципы общедоступности образования для слушателей и свободы преподавания для лектора, положенные в основу деятельности РВШОН, спровоцировали широкий интерес к ней со стороны общественности. Как сообщала в 1902 г. газета «Русские ведомости», «...открывая свою школу, учредители невольно спрашивали себя: найдется ли у них теперь же достаточное количество постоянных слушателей? Действительность очень скоро рассеяла их опасения. В Париже имеется еще две аналогичных французских школы *College Libre des Sciences Sociales* и *L'Ecole des Hautes Etudes Sociales*. Одна из них существует второй год, другая — четыре или пять лет, и, несмотря на это, обе они не имеют в настоящее время такого числа постоянных слушателей, какое насчитывает высшая русская школа. В нее записалось уже 250 слушателей и слушательниц, из которых добрых две трети приехали специально ради нея из России, и притом слушателей трудолюбивых и довольно требовательных»⁹.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Департамент полиции, особый отдел (далее ДП ОО). 1898. Д. 3. Ч. 140. Л. 14об–15.

⁸ Российская государственная библиотека, отдел рукописей (далее ОР РГБ). Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 47. Д. 42. Л. 1.

⁹ В высшей русской школе общественных наук в Париже // Русские ведомости. 1902. № 13. С. 4.

Отличие Школы от традиционных образовательных учреждений подчеркивалось в периодических изданиях¹⁰. Программы занятий, устав РВШОН, ежегодные отчеты; обращения профессоров Школы, впечатления ее первых слушателей — все эти материалы широко публиковались в периодике, что, разумеется, не могло не подогревать общественный интерес.

Школа задумывалась учредителями как учебное заведение, где осуществлялась бы общая гуманитарная подготовка слушателей. В основу учебного процесса в РВШОН были положены два принципа: 1) объединение в одно целое общественных наук, которые традиционно преподавались разрозненно на разных факультетах императорских российских университетов; 2) сознательный отказ от преподавания специальных и прикладных предметов и сосредоточение на наиболее общих и актуальных задачах социального знания [Гутнов, 2004. С. 169].

Как отмечал один из учредителей РВШОН М. М. Ковалевский, «юристы редко когда слышат об истории, географии и этнографии, как историки — редко когда о статистике и праве... И вот нам показалось, что собрать в одном фокусе все эти взаимно восполняющие друг друга, теснейшим образом связанные между собой знания и на почве их представить если не самостоятельные попытки возведения абстрактного обществоведения на степень науки, то по крайней мере критику сделанных другими попыток в том же направлении будет делом и новым, и полезным...» [Ковалевский, 1903. С. 2]. По его словам, «особенность нашего преподавания будет состоять, во-первых, в параллельном изложении специалистами экономики и этики, права и политики, не говоря уж об этнографии и других смежных дисциплинах, и, во-вторых, в приложении ко всем этим наукам исторического или, вернее, историко-сравнительного метода» [Там же. С. 15].

В печати отмечалось, что Школа «объединяет своей программой в одно целое многие научные дисциплины, преподаваемые с давних времен в ущерб единству научного знания по трем совершенно обособленным друг от друга факультетам: философскому, юридическому и филологическому. Условием этого объединения служат или необходимость тех или других научных дисциплин для изучения общественных наук, или непосредственное отношение их к тем или другим группам общественных явлений»¹¹.

Задачи Школы, по замыслу учредителей, выходили далеко за пределы приобретения слушателями практических знаний: «Мы не обещаем сделать вас ни экономистами, ни финансистами, ни статистиками, ни юристами, ни моралистами, ни политиками,

¹⁰ Figaro. 1902. 17 ноября; Вестник воспитания. 1903. № 6; Витебская неделя. 1903. 4 апреля; Волянь. 1902. № 251; Мозаика. 1902. № 94; Московские ведомости. 1901. 17 октября; Научное обозрение. 1902. № 7; Новости. 1902. № 9; Отечество. 1903. № 11; Пермский край. 1902. № 537; Русские ведомости. 1902. № 179–180; Русские ведомости. 1902. № 13, 14; Русское слово. 1902. № 218; Самарская газета. 1904. № 34; Страна. 1906. № 1 и т. д.

¹¹ Русские лекции в Париже // Научное обозрение. СПб., 1902. № 7. С. 230.

ни тем более историками, но мы надеемся поставить вас на ту дорогу, на которой, при состоятельном труде и позднейшей специализации занятий, вы в состоянии будете сделаться и экономистами, и юристами, и историками и т. д. Из этой школы вы выйдете по крайней мере со знакомством с теми требованиями, какие предъявляет ко всякому специалисту современная научная постановка обществоведения. Вы ознакомитесь с теми приемами, которые обязательны для научного исследования» [Ковалевский, 1903. С. 16–17]. По сути, образовательная концепция Школы предполагала обучение слушателей теоретическому методу, предоставляя возможность самостоятельного поиска эмпирических данных.

Идея об открытом, не ограниченном никакими дисциплинарными рамками, взаимопроникающем и взаимодействующем гуманитарном образовании последовательно реализовывалась на практике через учебные планы, программы лекционных курсов, специально разработанную систему семинаров. «Кто бросит взгляд на нашу программу, — писал М. М. Ковалевский, — тот сразу увидит, что преподавание захватывает широкие отделы не только экономики и политики, но и того, что совершенно неправильно привыкли называть побочными предметами для обществоведения, тогда как на самом деле без них не может быть сделано шага в научном изучении обнимаемых им вопросов. Таковы история вообще, история религий и история учреждений, география, антропология и этнография, наконец, социология как синтез всех конкретных наук об обществе...»¹²

В учебной программе Школы на первый учебный год (1901/1902) были выделены 11 разделов¹³:

- Философия и методология физико-химических и биологических наук (N.N.¹⁴);
- Философия и методология общественных наук. Общая социология (Е. В. де Роберти);
- Всеобщая история и описательная социология (М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, И. И. Щукин, М. И. Тамамшев);
- Антропология и этнография» (Ф. К. Волков);
- История религии (Е. В. Аничков);
- Эволюция экономического быта и экономических учений (М. М. Ковалевский, Н. А. Карышев, А. А. Исаев, Г. Б. Иоллос);
- История политических теорий и учреждений (М. М. Ковалевский);
- История доктрин и учреждений гражданского права (Ю. С. Гамбаров, М. М. Винавер);
- Социальная криминология» (Н. Н. Баженов);

¹² Русская высшая школа общественных наук в Париже: лекции профессоров. СПб., 1905. С. 2–3.

¹³ В скобках указаны фамилии лекторов.

¹⁴ Лектор не определен.

- Эволюция метафизических и моральных идей (Е. В. де Роберти);
- История литературы и изящных искусств» (Е. В. Аничков, С. А. Венгеров¹⁵)¹⁶.

Наряду с общеобразовательными предметами в Школе читались и такие курсы, как «Введение в социологию» (Н. И. Кареев), «Общая социология» (Е. В. де Роберти), «Современные социологи» и «История сословий в России» (М. М. Ковалевский). Учредители Школы надеялись¹⁷ на участие в ее работе А. С. Лаппо-Данилевского, Е. В. Тарле, В. И. Семевского, М. И. Туган-Барановского, П. Г. Струве¹⁸.

¹⁵ *Де Роберти Евгений Валентинович* (1843–1915) — русский философ-позитивист, социолог, профессор Нового университета в Брюсселе (1894–1907), РВШОН (1901–1906); в Школе читал курсы по истории философии и социологии, по методологии философии позитивизма. *Луцицкий Иван Васильевич* (1845–1918) — историк, в РВШОН в 1901 г. читал курс лекций «Поземельная собственность во Франции в XVIII в.». *Щукин Иван Иванович* (1869–1909) — журналист, искусствовед, профессор Нового университета в Брюсселе; в РВШОН читал курс «Введение в русскую историю», курсы по русским религиозным движениям XIV–XV вв., по истории Русской православной церкви, истории права и истории живописи. *Тамамшев Михаил Иванович* (?–1908) — историк, член Французского общества изучения Азии; в РВШОН вел курсы по истории Кавказа и востоковедению. *Волков (Вовк) Федор Кондратьевич* (1847–1918) — российский и украинский этнограф и антрополог, археолог, общественный деятель, доктор Сорбонны, профессор Санкт-Петербургского университета; в РВШОН вел курсы по антропологии и этнографии. *Аничков Евгений Васильевич* (1877–1937) — литературный критик, историк литературы, фольклорист, прозаик; в РВШОН читал курс лекций по истории язычества в древней и новой России и обзор развития новейшей западноевропейской литературы. *Карышев Николай Александрович* (1855–1905) — профессор политической экономики, публицист, возглавлял кафедру политэкономии и статистики Московского сельскохозяйственного института; в РВШОН до 1903 г. читал курсы по теоретическим основам политической экономики. *Исаев Андрей Алексеевич* (1851–1924) — экономист, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, сотрудник Нового университета в Брюсселе; в РВШОН читал курсы по политической экономике, влиянию на развитие экономики политических кризисов, по финансовой теории. *Иоллос Григорий Борисович* (1859–1907) — юрист, политэкономист, журналист; в РВШОН вел семинары по торговому праву, читал курсы о рабочем и социальном законодательстве Германии. *Винавер Максим Моисеевич* (1862–1926) — юрист, с 1906 г. видный участник кадетского движения; в РВШОН читал спецкурс, посвященный обзору основных положений современного законодательства разных стран. *Баженов Николай Николаевич* (1857–1923) — психиатр, в 1901 г. принимал участие в организации РВШОН и заведовал в ней кафедрой общей криминалистики, читал курсы по криминальной психологии и социальной криминологии. *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855–1920) — библиограф, историк литературы; в РВШОН читал курс лекций по русской библиографии, курс «Общий обзор истории новейшей русской литературы».

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 47. Д. 42. Л. 1об.

¹⁷ Там же. Л. 1.

¹⁸ *Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863–1919) — историк, автор работ по социально-экономической и политической истории России, по методологии русской археологии, теории и методологии истории. Письмо М. М. Ковалевского с приглашением к участию в работе РВШОН сохранилось в личном фонде А. С. Лаппо-Данилевского: Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее СПФ АРАН). Ф. 113. Оп. 3. Д. 191. Л. 1–2. *Тарле Евгений*

По плану учредителей программа последовательно реализовывалась через систематические курсы по различным отраслям обществоведения, отдельные лекции и рефераты, а также практические занятия. Постоянным слушателям РВШОН выдавались свидетельства об их успешных занятиях, для получения которых требовались: удостоверение трех профессоров Школы об удовлетворительном ходе работ кандидата; представление последней письменной работы (по возможности напечатанной), одобренной и допущенной советом профессоров к публичной защите; публичная защита представленной работы.

Насколько жестко соблюдалась и выдерживалась программа? Д. А. Гутнов, проанализировав имевшиеся в его распоряжении данные о распределении учебной нагрузки, количестве часов, планировавшихся для прочтения того или иного курса и реально прочитанных, сделал некоторые выводы о характере обучения в РВШОН [Гутнов, 2004. С. 169–173].

Значительная часть учебного времени отводилась на такие дисциплины, как социология (в 1901 г. три курса, в 1902 г. — три, в 1903 г. — шесть, в 1904 г. — четыре курса) и история (в 1901 г. шесть курсов, в 1902 г. — пять, в 1903 г. — пять, в 1904 г. — шесть курсов). Тем не менее в количественном отношении в РВШОН доминировали не теоретические дисциплины, а практические: политическая экономия (в 1901 г. — четыре курса, в 1902 г. — 11, в 1903 г. — 14, в 1904 г. — восемь курсов), курсы по праву (соответственно 7, 8, 11 и 8 курсов). Преобладание этих дисциплин объясняется как специализацией лекторов, большинство из которых составляли оказавшиеся не у дел в российских университетах профессора (Н. А. Карышев, А. А. Исаев, А. И. Чупров¹⁹, М. И. Туган-Барановский), так и научными интересами основателей школы (М. М. Ковалевский, Ю. С. Гамбаров были профессиональными юристами).

Среди других особенностей тематики учебных занятий в РВШОН следует отметить стремительное нарастание количества курсов по этнографии и антропологии (в 1901 г. один курс, в 1902 г. — два, в 1903 г. — три, в 1904 г. — семь курсов). Резкие изменения в количестве курсов по литературоведению (в 1901 г.

Викторович (1875–1955) — историк, с 1917 г. профессор Петроградского университета, академик Академии наук СССР. *Семевский Василий Иванович* (1848–1916) — историк либерально-народнического направления, автор работ по социальной истории, истории общественной мысли в России XVIII — первой половины XIX в. *Туган-Барановский Михаил Александрович* (1865–1919) — экономист, историк, представитель «легального марксизма»; в РВШОН в 1902–1903 гг. читал курс лекций по истории экономических и социальных учений. *Струве Петр Бернгардович* (1870–1944) — философ, экономист, общественный и политический деятель, публицист. В 1903 г. читал курс по политической экономии (истории пореформенной России) в РВШОН.

¹⁹ *Чупров Александр Иванович* (1842–1908) — российский ученый-экономист, статистик, общественный деятель; в РВШОН в 1904 г. читал курс лекций по сельскохозяйственному кредиту и организации народных банков в Италии и Германии.

четыре курса, в 1902 г. — один, в 1903 г. — четыре, в 1904 г. — один курс) объясняются особенностями кадровой политики: на постоянной основе в Школе работал только историк литературы Е. В. Аничков, остальные вакансии заполнялись за счет приезжавших в Париж деятелей русской литературы, среди них были П. Д. Боборыкин и К. Д. Бальмонт, который в РВШОН читал курс (совместно с В. Бахом) по эстетике Льва Толстого.

Таким образом, несмотря на то что тематика назначенных к изучению в Школе курсов в целом оставалась в русле заявленных основателями приоритетов комплексного изучения обществоведения, в основу которого был положен историко-сравнительный метод, на практике основное место в программе занимали курсы правового и экономического характера [Гутнов, 2004. С. 173].

Обширный и довольно пестрый учебный план Школы и тот факт, что программа Школы не выдерживалась даже в общих курсах, вызывали острую критику. В газете «Витебская неделя» от 4 апреля 1903 г. мы встречаем резко отрицательный отзыв о деятельности Школы: «Русская высшая школа общественных наук не удовлетворяет учащуюся в ней молодежь. Несмотря на то что администраторы школы прилагают все старания и лекции читаются по установленной в начале учебного года программе всеми указанными в ней профессорами, студенты недовольны, недовольны и сами профессора»²⁰. Автор статьи подчеркивает главную проблему, которая встала перед слушателями школы: «Дело в том, что пока “русская высшая школа” не дает ничего цельного, систематического; лекции носят характер конференций, отдельных бесед по разным вопросам, занятия идут неравномерно, без всякой системы. Приезжает на некоторое время кто-нибудь из известных профессоров, как М. Ковалевский, Н. Кареев, Н. Карышев, А. Исаев, — и “школа” оживает. Но все эти профессора заняты, они не могут уделить школе больше месяца — шести недель. И вот, прочтя десяток лекций, уважаемые учителя уезжают, выразив сожаление, что ограниченность времени не дает возможности подалее и поподробнее остановиться на прочитанном. Несмотря на краткость, эти лекции представляют большой интерес и слушаются очень охотно, но затем школа начинает прозябать»²¹.

Недостаток денежных средств (Школа существовала на частные пожертвования), само положение вуза за границей не позволяли организовать учебный процесс надлежащим образом. Отсутствие необходимых преподавательских кадров приводило к тому, что в Школе недостаточно читалось обобщающих систематических курсов, что вызывало недовольство слушателей. Одна из слушательниц Школы писала о ней в Москву: «Теперь же она только учреждение с программой очень широко и хорошо

²⁰ Витебская неделя. 1903. 4 апреля. Цит. по: ОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 28. Д. 10. Л. 38.

²¹ Там же.

задуманной, но еще плохо выполняет эту программу на практике. У нас очень мало обобщающих курсов, все больше отдельные курсики да лекции, совершенно между собой не связанные. Эти курсики бывают часто интересны, но ведь все-таки они только курсики да лекции, специализация по которым вовсе не желательна для лиц, стремящихся к образованию вообще»²².

Критические замечания требовали ответа, и он последовал. В предисловии к изданным в 1905 г. «Лекциям профессоров Русской высшей школы общественных наук» М. М. Ковалевский писал: «В пятый год своего существования <...> создано правильное преподавание совокупности тех конкретных наук, из которых складывается понятие обществоведения. Преподавание это в нашей школе, по примеру высших школ и факультетов Франции, никогда не носило характера того сообщения элементарных знаний по всем решительно вопросам, входящим в официальные программы, с которым, по-видимому, доселе связывают в России представление о полноте и систематичности образования»²³. Эту идею более обстоятельно развивает Ю. С. Гамбаров: «Сущность системы, как известно, состоит в порядке знаний. И, устанавливая этот порядок по строго определенному плану, программа Школы состоит в полном соответствии с понятием системы. Но если под систематическим преподаванием разумеет только исчерпывающее содержание той или иной дисциплины, то при чрезвычайной обширности материалов и подразделений каждой общественной науки таких систематических курсов в настоящее время нигде не преподается» [Гамбаров, 1902. С. 10].

Тем не менее обилие частных и не связанных друг с другом курсов мешало учащимся сосредоточиться на главном и препятствовало воплощению замысла создателей Школы. Существенно затруднял усвоение учебного материала весьма различный уровень подготовки слушателей Школы. Так как в большинстве своем они оказались не готовы к восприятию новейших достижений общественных наук, излагаемых в лекциях, организаторы вынуждены были уже во втором семестре первого года существования Школы ввести наряду с систематическим преподаванием и отдельные вечерние лекции по наиболее важным вопросам общественных наук, без знания которых преподавание более отвлеченных проблем обществоведения теряло всякий смысл [Гутнов, 2004. С. 173].

Широкое освещение деятельности РВШОН в периодических изданиях, в том числе либерального и оппозиционного толка, «политически неблагонадежный» преподавательский состав Школы, активный интерес к ней со стороны той части студенчества, которой не нашлось места в государственных высших учебных заведениях России, привели к распространению довольно

²² ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 140. Л. 60.

²³ Русская высшая школа общественных наук в Париже: лекции профессоров... С. 1.

неожиданного взгляда на деятельность Школы: 17 октября 1901 г. влиятельная газета «Московские ведомости» опубликовала небольшую заметку «Академия революционеров». Баснословный взнос в пользу Школы в размере 30 000 франков от анонимного жертвователя привлек еще больше внимания к Школе, создал почву для слухов и домыслов.

Столь острый интерес общественности к Школе, циркулирующие вокруг нее слухи способствовали тому, что еще до открытия она привлекла к себе внимание особого отдела департамента полиции Министерства внутренних дел. В Фонде департамента полиции Государственного архива Российской Федерации хранится специальное дело о «свободном русском университете в Париже»²⁴. Документы дела позволяют судить о взаимоотношениях РВШОН с одной стороны с российским, а с другой — с французским правительством.

Еще в августе 1901 г. российские власти пытались не допустить открытия Русской школы общественных наук в Париже. Русскому послу в Париже было предписано просить французское правительство воспрепятствовать деятельности Школы²⁵. Эта просьба не была удовлетворена французскими властями: они указали, что подобное требование противоречит французскому законодательству²⁶. После открытия Школы в ноябре 1901 г. была предпринята попытка помешать признанию французским правительством этой школы «общепользным заведением»²⁷: такой статус предоставлял учреждению определенные юридические права и придавал вес и авторитет. Просьба была поддержана французским правительством.

Успехи Школы заставили российское правительство искать другие пути для ее закрытия. Положение вуза, находившегося за границей и существовавшего на частные пожертвования, естественно, было весьма неустойчивым, и это давало повод русскому правительству выставить деятельность Школы в невыгодном свете. Этим поводом стали знаменитые столкновения между социал-демократами и социалистами-революционерами в Школе на лекциях К. Р. Кочаровского²⁸.

²⁴ ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 140.

²⁵ Там же. Л. 14об–15.

²⁶ Там же. Л. 35–36об.

²⁷ Там же.

²⁸ *Кочаровский Карл-Август Романович* (1870 — предположительно 1937) — экономист-народник, специалист по крестьянскому хозяйству. В 1890 г. был арестован за участие в революционном кружке, но после подачи прошения на высочайшее имя был помилован и сослан сначала в Омск, а затем в г. Верный. Выпустил книгу «Русская община», встретившую резкую отповедь со стороны В.И. Ленина. Его лекции спровоцировали полемику в стенах учебного заведения, привели к открытому конфликту преподавателей и студентов и фактически стали причиной закрытия Школы. Подробнее см.: ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 140. Л. 85–86 и далее; [Воробьева, 1993; Корников, Селезнева, 1995; Гутнов, 2004. С. 229–239].

После очередного отказа французского правительства запретить деятельность РВШОН русскому послу в Париже было предписано потребовать от организаторов Школы закрыть ее, а при отказе предложить им на выбор: немедленно вернуться в Россию или стать эмигрантами. Формальную возможность для этого русскому правительству предоставила ст. 326 Уложения о наказаниях²⁹. Первым, к кому были применены подобные санкции, был Е.В. де Роберти, которому 21 августа 1903 г. было приказано немедленно вернуться в Россию ввиду его «вредной деятельности»³⁰. Французские ученые во главе с Бертелло и Лависсом отправили через французского министра иностранных дел Т. Делькассе и императорского посла во Франции А. И. Нелидова ходатайство императору о предоставлении Е.В. де Роберти права остаться в Париже. В конце концов ему было разрешено жить за границей, но он был вынужден дистанцироваться от деятельности Школы [Гутнов, 2004. С. 116].

Подобные шаги российского правительства усугубили и без того тяжелую ситуацию с преподавательскими кадрами в Школе и с ее финансированием. Поставленная в тяжелые экономические условия, раздираемая скандалами между слушателями, принадлежавшими к разным политическим партиям, Школа под давлением обстоятельств в 1906 г. была вынуждена прекратить свою деятельность.

В феврале 1905 г. — перед вступлением РВШОН в пятый год ее существования, — подводя некоторые итоги пройденного пути, М. М. Ковалевский отмечал, что в результате деятельности Школы сформировалась наиболее удачная для того времени система преподавания общественных наук. В ее основу был положен «синтетический» подход к организации высшего образования, главными принципами которого стали представление о единстве гуманитарного знания, отказ от узкой специализации, обучение единому научно-исследовательскому методу работы в контексте гуманитарных наук. Такая образовательная концепция вступала в острое противоречие с набиравшей силу системой узко-профессионального образования. Трудности воплощения такого целостного подхода на практике и неоднозначность результатов

²⁹ Статья 326 Уложения о наказаниях в редакции 1866 г. гласила: «Кто, отлучась из отечества, не явится во оное обратно по вызову правительства, тот за сие слушание приговаривается также: к лишению всех прав состояния и вечноному изгнанию из пределов государства, если в назначенный по усмотрению суда срок он не докажет, что сие совершено им по не зависевшим от него или по крайней мере уменьшающим вину его обстоятельствам, а дотоле почитается безвестно отсутствующим и имение его берется в опекуное управление на основании постановленных для сего гражданскими законами правил». Полный свод уголовных законов: Уложение о наказаниях со включением текста статей томов Свода законов. М., 1879. С. 114.

³⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 687. Е.В. де Роберти. Д. 1; ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1903. Д. 42. Л. 27–29. Опубликовано в: Об исключении из российского подданства Евгения де Роберти // Старое и новое в теоретической социологии. М., 2003. Кн. 3. С. 239–241.

поставили вопрос о жизнеспособности самой концепции, об условиях и возможности ее реализации в начале XX в. Как писал Н. И. Кареев, «снова стоит у нас на очереди вопрос об образовании нашего юношества <...> школа будет такой, какой создаст ее даже не сам новый закон, а какую ее создаст сама практика жизни, и опять-таки не в смысле одного выполнения того, что будет школе предначертано, но и в смысле влияния на нее со стороны всей нашей житейской обстановки» [Кареев, 1901. С. 3–4]. Образовательный опыт Русской высшей школы общественных наук в Париже остался уникальной страницей в истории российской высшей школы³¹.

Литература

1. В высшей русской школе общественных наук в Париже // Русские ведомости. 1902. № 13.
2. Воробьева Ю. С. Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994.
3. Воробьева Ю. С. Русская высшая школа общественных наук в Париже // Исторические записки. Вып. 107. М.: Наука, 1982. С. 332–344.
4. Воробьева Ю. С. «Слушателей будет много...»: Русская высшая школа общественных наук в Париже по письмам М. М. Ковалевского. 1901–1905 гг. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 171–179.
5. Воробьева Ю. С. Материалы о РВШОН в Париже // Советские архивы. 1981. № 1. С. 48–51.
6. Гамбаров Ю. С. Русская высшая школа общественных наук в Париже: отчет за 1901/1902 учебный год // Русские ведомости. 1902. № 13.
7. Гамбаров Ю. С., Ковалевский М. М. Русская высшая школа общественных наук в Париже. Ростов н/Д: Наука и жизнь, 1903.
8. Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.). М.: РОССПЭН, 2004.
9. Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже. 1901–1906 гг. / История и историки: историографический ежегодник. М.: Наука, 2001. С. 242–260.
10. Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже и ее влияние на развитие образования в России в начале XX века: дис. ... докт. ист. наук (07.00.02). МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2006.
11. Гутнов Д. А. «Париж теперь является столицей русских революционеров...» // Источник. 2000. № 4. С. 14–31.

³¹ После закрытия РВШОН ее учредители (прежде всего М. М. Ковалевский) предприняли попытку перенести отдельные элементы ее образовательной концепции в Народный университет им. А. Л. Шанявского (Москва), на Высшие курсы П. Ф. Лесгафта, в частный Психоневрологический университет В. М. Бехтерева (Санкт-Петербург). В силу условий реализации в научно-образовательном пространстве Российской империи, специфики избранных институтов изначальная концепция подверглась значительным изменениям.

12. Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906 гг.) // Старое и новое в теоретической социологии: сб. ст. / ред.-сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. Ч. 3. С. 209–232.
13. Ермакович Ю. М. Из истории Русской высшей школы общественных наук в Париже // Российская социология: историко-социологические очерки / отв. ред. А. О. Бороноев, В. В. Козловский. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 170–180.
14. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М.: Наука, 1991.
15. Иванов А. Е. Высшая школа России конца XIX — начала XX века: состав и юридический статус учебных заведений // Историкографические и исторические проблемы русской культуры / отв. ред. Л. Н. Пушкарев. М.: Наука, 1982. С. 174–208.
16. Иванов А. Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начала XX века. М.: Новый хронограф, 2010.
17. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX — начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004.
18. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999.
19. Кареев Н. И. Идеалы общего образования. Одесса, 1901.
20. Ковалевский М. М. О задачах Школы общественных наук: речь, произнесенная в Парижской высшей русской школе общественных наук при возобновлении занятий в 1902 году // Вестник воспитания. 1903. № 6. С. 1–17.
21. Ковалевский М. М. Университет и общественная наука // Русские ведомости. 1907. № 91. С. 9.
22. Ковалевский М. М. Вольные школы общественных наук // Страна. 1906. № 20. С. 5–6.
23. Корников А., Селезнева Н. Русский университет в Париже // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 4. С. 358–365.
24. Мошкович Г. Г. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906) // Труды Краснодарского педагогического института. 1963. Вып. 33. С. 135–154.
25. Об исключении из российского подданства Евгения де Роберти // Старое и новое в теоретической социологии: сб. ст. // ред.-сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. Кн. 3. С. 239–241.
26. Русская высшая школа общественных наук в Париже: лекции профессоров / ред. проф. Е. В. де Роберти, Ю. С. Гамбаров, М. М. Ковалевский. СПб.: Издание Г. Ф. Львовича, Типография Альтшуллера, 1905.
27. Русские лекции в Париже // Научное обозрение. 1902. № 7. С. 230.
28. Сватиков С. Г. Опальная профессура 80-х годов // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 5–78.
29. Хопров В. П. Русская высшая школа общественных наук в Париже. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1902.

30. ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1903. Д. 42.
31. ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 140.
32. ОР РГБ. Ф. 119. Н. И. Кареев. К. 15. Д. 195–196.
33. ОР РГБ. Ф. 119. Н. И. Кареев. К. 28. Д. 10.
34. ОР РГБ. Ф. 119. Н. И. Кареев. К. 47. Д. 42.
35. РГИА. Ф. 687. Е. В. де Роберти. Д. 1.
36. СПФ АРАН. Ф. 113. А. С. Лаппо-Данилевский. Оп. 3. Д. 191.